

ДАВЫДОВА А. А., КОШИНА О. В.
СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию социального статуса учителей начальных школ России в конце XIX – начале XX века. Авторы анализируют материальное, бытовое положение педагогов начальной школы, их уровень жизни и социальное положение.

Ключевые слова: учителя, социальный статус, начальная школа, уровень жизни, материально-бытовое положение, пенсия, жалование.

DAVYDOVA A. A., KOSHINA O. V.
SOCIAL STATUS OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study of the social status of primary school teachers in Russia in the late XIX – early XX century. The authors analyze financial status, housing conditions of primary school teachers, their standard of living and social status.

Keywords: teachers, social status, primary school, standard of living, financial status, housing conditions, pension, salary.

Актуальность обозначенной темы вне времени. Образование являет собой один из системообразующих социальных институтов. Уровень жизни учителей во многом влияет на эффективность деятельности этого института и на качество социального взаимодействия в обществе.

Тема объемная в силу разнообразия условий жизни населения на огромной территории Российской империи, а также в силу разницы материального благополучия учителей разных типов начальных училищ. В настоящем исследовании представлен лишь небольшой срез данных о социальном статусе и об уровне жизни педагогов начальных училищ в конце XIX – начале XX века.

Источниками для раскрытия темы послужили архивные документы региональных архивохранилищ [1; 2; 12], опубликованная школьная статистика [8] и публикации в периодике изучаемого периода [7; 10], справочные педагогические издания [9].

Современная литература, при помощи которой анализировалась проблема, это монография Ю. Е. Железняка о земской школе Казанской губернии [3], научный очерк О. П. Илюхи о повседневной жизни сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века [6], статья И. В. Сучкова о социальном статусе учительства на рубеже XIX –

XX вв. [11]. Для понимания проблемы были полезны статьи И. В. Зубкова [4] и Н. А. Ивановой [5] об обществах взаимопомощи учителей.

В конце XIX – начале XX в. учительство начальной школы составляло почти половину интеллигенции России. К концу 1915 г. насчитывалось свыше 157 тыс. народных учителей [9, с. 156]. Их часто называли «полуинтеллигентами», поскольку учителя начальной школы имели невысокий уровень образования и низкий социальный статус. Большинство учителей начальной школы были выходцами из крестьян, мещан и духовенства и имели начальное или среднее образование.

Обратимся к доходам учителей. В разных губерниях и даже в уездах одной губернии учителя получали разное жалование. Размер жалования зависел от ведомственной принадлежности школ: наибольшее вознаграждение получали в конце XIX в. педагоги министерских училищ (в среднем 360 руб. в год), размер жалования земских учителей составлял от 240 до 480 рублей в год, наименьшие зарплаты имели учителя церковно-приходских училищ (в среднем – 170 р. в год.). Жалование было неодинаковым даже в рамках одной школы у педагогов разных предметов. Например, законоучителя в конце 1880-х гг. получали за свои труды в среднем всего 60 руб., тогда как учителя-предметники в этот же период получали уже от 200 до 240 руб. в год [3, с. 111].

В Смоленской губернии в 1891 г. только 9 % учителей мужчин и 2 % учительниц получали 300 руб. в год; 25 % мужчин учителей зарабатывали 200–300 руб., 25 % женщин – 10 %; 30 % мужчин получали за свой труд от 150 до 200 руб., среди женщин 60 % педагогов получили такую сумму; от 100 до 150 руб. получали 18 % мужчин и женщин; 18 % мужчин по-прежнему получали менее 50 руб. [5, с. 146]. Согласно этим данным, учителя-мужчины получали в среднем больше, чем учительницы народных школ.

Некоторые земства с целью поддержки учителей платили дополнительно педагогам в опекаемых земствами школах так называемое «третье жалование» (от слова «треть»): т.е. прибавку за треть года или третью часть жалования. В архивных документах встречаются упоминания об этом виде надбавки за труд учителя. Например, в 1886 г. в одном из начальных училищ Самарской губернии было «выплачено третнее не в зачет жалование (от 330 руб. – 110 руб.) из положенного по штату уездных училищ содержания» [12, л. 20].

В начале XX в. положение учителей начальных школ существенно не изменилось. Например, в 1904 г. почти половина учительского состава земских школ Казанской губернии (46,6 %) имели оклад от 240 до 299 руб. и чуть более четверти (26,7 %) – от 300 до 399 руб.; 3,4 % учителей получали заработную плату в сумме 400 руб. и выше. Остальные имели жалование размером менее 240 руб., 15,5 % – от 200 до 239 руб.; 7,8 % – от 180 до 199 руб. в год [3, с. 112].

По закону 3 мая 1908 г. минимальный размер жалования учителей был установлен в размере 360 руб. в год. Это способствовало некоторому улучшению материального положения учителей. У земств было право выплачивать педагогам надбавки за стаж. Например, Казанское земство выдавало некоторым преподавателям надбавки за особые успехи от 15 до 35 руб. в год [3, с. 111]. Из документа Государственного архива Пензенской области: «Учителю приходского училища назначено пособие за постоянную усердную службу 30 руб. серебром из экономической суммы приходского училища» [1, л. 5].

По сведениям О. П. Илюхи, в 1913 г. были официально утверждены пятилетние прибавки, которые некоторые земства практиковали с конца XIX в. с целью сохранения учительских кадров. Позже, в условиях Первой мировой войны, вводились военные прибавки в размере 120 руб. в год. Дополнительно стали оплачиваться уроки пения, ремесла, сельскохозяйственные занятия с учениками [6, с. 24].

По уровню зарплаты учителя отставали от многих представителей провинциальной интеллигенции. В 1908 г. в Повенецком уезде Олонецкой губернии учитель получал 300–400 руб. в год, тогда как жалование земского врача составляло 2000–2200 руб.; провизора – 1200, его помощника – 800, дантиста – 800 руб. в год. Труд учителей оплачивался на селе также, как труд фельдшеров, повивальных бабок, ветеринарных врачей [6, с. 25].

С учетом цен на самые необходимые товары в начале XX в., суммы учительских зарплат были более, чем скромными. Даже одинокий молодой учитель, с небольшим стажем, без дополнительных источников дохода мог с трудом прожить на свою зарплату. Семейным учителям с детьми учительского вознаграждения было совершенно недостаточно. Бывали случаи, что в семье из 7 человек работал один отец – был народным учителем. Дневной рацион в таких семьях состоял из картошки и хлеба, мясо и молоко они могли позволить себе лишь несколько раз в год. Продукты часто брали в долг.

О тяжелом материальном положении семейных преподавателей писали Пензенские губернские ведомости в 1900 г.: «Скудного вознаграждения, которое получает учитель за свой тяжелый труд, бывает часто едва достаточно для самого бедного существования семьи. Образование же детей и необходимое содержание их в городе, при дороговизне городской жизни, представляется для огромного большинства учителей делом невозможным, и поэтому их дети, лишённые надлежащей подготовки к трудовой жизни, обречены большей частью на жалкое существование» [10, с. 55].

В 1911 г. средний годовой оклад у городских народных учителей поднялся до 528 руб., в селах – до 343 руб. Нередко и такое мизерное жалование не выплачивали вовремя, задерживали на 2–3 месяца [11, с. 64]. Многие учителя начальных школ в России вынуждены были искать дополнительные источники к существованию. Как минимум треть учителей

занималась огородничеством, садоводством, пчеловодством, ремеслами или рукоделием. Как и многие крестьяне, школьные педагоги занимались сбором грибов и ягод, охотой и рыболовством.

Низкий размер жалования приводил к тому, что среди учителей наблюдалась высокая текучесть кадров, более половины преподавателей работало на одном месте менее 10 лет [11, с. 65]. Педагог часто менял место работы, пытаясь найти должность с более высоким содержанием. Учителя, работавшие в церковно-приходских школах, стремились устроиться в земскую школу, где жалование было выше. Однако их образовательный уровень был, как правило, недостаточен для земской школы, и прошения оставались неудовлетворенными [3, с. 103-105].

Увольнения учителей из-за профессиональной непригодности по инициативе дирекции тоже случались, но считались мерой слишком жесткой, и потому применялись редко. В таких случаях использовался перевод из одного училища в другое, менее многолюдное и с меньшим окладом жалования. Перевод учителей на более высокооплачиваемые места, в свою очередь, практиковался как поощрительная мера по отношению к «способным» учителям.

Уровень жизни учителей зависел, без сомнения, от наличия у них собственного жилья. По данным «Однодневной переписи начальных школ Российской империи», в 1911 г. 63,6 % учителей жили в квартирах при училище; 15,8 % – на стороне, но получали квартирные деньги; 20,6 % жили на стороне и квартирных денег не получали [8, с. 2]. Учителя министерских школ, по сравнению с земскими, были лучше обеспечены жильем. Жилищные условия церковно-приходских учителей в среднем были хуже, чем в земских школах.

Как правило, учитель был приезжим и не имел дома или квартиры в той местности, где преподавал. Чаще всего учителя снимали угол в крестьянских избах. Если у школы было свое здание, то учителя могли поселить в помещении школы: в отдельной комнате, а нередко и в классе, за перегородкой; реже – во флигеле на территории школы. Учитель, проживающий в помещении школы, мог пользоваться услугами школьной прислуги, приплачивая ей из своих средств. Главными недостатками учительских квартир были холод, сырость, теснота, отсутствие хозяйственных приспособлений. На одного учителя в конце XIX в. приходилось в среднем 1,5 комнаты общей площадью 54,5 кв. аршин (около 27 кв. м) [8, с. 3].

Преимущество проживания в школе заключалось в том, что не нужно было платить за жилье, в отличие от тех, кто снимал квартиру. На это уходила порядочная часть жалования. С 1880-х гг. земства стали выделять учителям средства на наем жилья. В начале XX в. предусматривались специальные выплаты учителям за квартиру, стол, отопление и

освещение. Следует отметить, что, прекращая учительскую деятельность, педагог лишался служебного жилья [3, с. 107].

Низкая социальная защищенность учителей создавала необходимость образования общественных организаций, помогающих учителям. В конце XIX в. появились первые общества взаимопомощи учителей («общества взаимного вспомоществования учащим и учившим»). Эти объединения были одними из наиболее массовых общественных организаций в Российской империи того времени. Они занимались не только материальной помощью педагогам и ученикам, но и социальной интеграцией учителей. Народные учителя чаще всего были единственными представителями интеллигенции в селах, где они работали, поэтому остро нуждались в общении с коллегами, в профессиональной литературе, обмене опытом и повышении квалификации [4, с. 47].

В состав обществ входили 3 категории членов: учителя, которые нуждаются в помощи (действительные члены); люди других профессий, которые имели те же права, что и действительные члены, кроме материальной помощи (члены-соревнователи); люди, оказывающие услуги остальным членам общества («сочувствующие целям общества»). Число обществ взаимопомощи к 1902 г. достигло 80 [4, с. 48].

Следует отметить, что учителя не всегда охотно вступали в общества взаимопомощи. Причин было несколько: разобщенность учителей начальных школ (не все из них знали о существовании таких обществ, кто-то не верил в их «спасительный» характер); не каждый учитель был готов заплатить членский взнос, пусть даже чисто символический; отдаленность обществ от многих населенных пунктов, невозможность посещать все собрания и встречи [5, с. 147].

В 1902-1903 гг. в Москве прошел «Первый Всероссийский съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания». На нем присутствовали представители 68 обществ (из 80 существовавших), множество деятелей земств, народного образования и предводителей дворянства. Обсуждались и материальные положения учителей, и обмен опытом, и повышение квалификации. Второй съезд прошел через 11 лет в Петербурге [9, с. 546].

Новым явлением социально-экономической жизни России в конце XIX – начале XX в. стало создание пенсионных касс. Этот элемент социальной защиты появился и в системе образования. В 1897 г. Директор училищ Симбирской губернии доложил в Симбирский Губернский училищный совет: «Государственный Совет, рассмотрев представление Министерства народного просвещения о предоставлении училищам приходских училищ прав на получение пенсий и единовременных пособий из особого пенсионного капитала, положил: учительницы пользуются равными с учителями правами на пенсию из состоящего в

распоряжении МНП пенсионного капитала (ст. 408 устава пенсионного Свода Законов, т. III, издания 1876 г.). Из получаемого ими жалования производится установленный вычет в означенный капитал» [2, л. 5-6].

В 1910 г. законодательно были установлены пенсии 1 июня 1910 г. вышел закон о пенсиях по возрасту (требовалось отработать в школе 25 лет) и инвалидности учителям и учительницам народных школ. С 1 сентября 1910 г. начался перевод участников земских пенсионных касс в министерскую. Вычеты в пенсионную кассу составляли 6 % от жалования педагога. Через 25 лет службы у учителей появлялось право на получение скромной пенсии (от 48 до 60 руб. в год) [3, с. 116].

В начале XX в. социальный статус учительства народных школ состоял из следующих элементов: учитель после определенного срока службы становился государственным служащим; мог состоять в чине XIV класса (после 12 лет службы); получить звание «почетного гражданина» (после 14 лет службы); носил мундир; был освобожден от воинской повинности (в мирное время); от исполнения обязанностей присяжного заседателя; получал пенсию [7, с. 44].

На учителей и на законоучителей распространялись правила о наградах. Приведем факты из архивных документов. В 1893 г. Ардатовский училищный совет направил запрос в Симбирский губернский училищный совет о представлении к наградам учителей за «отлично-усердное исполнение обязанностей»: законоучителя (25 лет службы) – к Ордону Святой Анны III степени; законоучителя (10 лет службы) – камилавкою; учителя (14 лет службы) – медалью «за усердие» на Александровской ленте; учителя (24 года службы) – к серебряной медали. Алатырский училищный совет также представил своих кандидатов на награды: несколько учителей (25 лет службы, 20 лет, 18 лет, 14 лет) – к званию «почетного гражданина»; учителя (13 лет службы) – на чин XIV класса; учителя (21 год службы) – золотой медалью на Станиславской ленте для ношения на шее; учителя (12 лет службы) – серебряной медалью на Александровской ленте на груди [2, л. 49-54].

Таким образом, учительство начальных школ в конце XIX – начале XX в. было неоднородным: материальное благополучие и социальное положение педагога зависело от места работы, ведомственной принадлежности училища, преподаваемого предмета, стажа и даже пола. Народное учительство медленно повышало свой социальный статус. Привлекательным этот статус (учителя, освобожденного от личных повинностей, получавшего «рубль в день», а по старости – пенсию), выглядел только с точки зрения крестьянина-бедняка.

Из категории «полуинтеллигенции» с низким жалованием, недостатком жилья и социальных льгот учителя постепенно превращались в государственных служащих низшего

ранга, которые получали скромную зарплату, компенсации за ведомственное жилье, награды, небольшую пенсию, освобождались от воинской повинности. Помимо усилий государства и земств, в улучшении социального положения педагогов начальной школы сказывались и старания самих учителей к самоорганизации и взаимопомощи, что показано на примере обществ взаимопомощи учителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 81. О. 1. Д. 656.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 768. Оп. 1. Д. 32.
3. Железнякова Ю. Е. Земская школа Казанской губернии. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т., 2005. – 204 с.
4. Зубков И. В. Общества взаимопомощи учителей в Российской империи (1890-1910-е годы) // Российская история. – 2011. – № 2. – С. 45–59.
5. Иванова Н. А. Смоленское «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим» // Вопросы истории. – 2011. – № 11. – С. 144–149.
6. Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – 145 с.
7. Капралов Н. Материальное положение учителя // Для народного учителя. – 1915. – № 8. – С. 42–55.
8. Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Диаграммы и картограммы к итогам по Империи / Ред. В. И. Покровского. – Петроград: Художественно-графическое ателье и печатня, 1918. – 21 с.
9. Педагогическая энциклопедия / Глав. ред. И. А. Каиров и Ф. Н. Петров. – Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 912 с.
10. Пензенские губернские ведомости. – 1900. – № 23-25.
11. Сучков И. В. Социальный статус и духовный облик учительства в России на рубеже XIX – XX вв. // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–67.
12. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 360. Оп. 37. Д. 6.